

УДК 94 (930.23)

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-59-69

EDN ETAYKS

Оригинальное исследование

Константинов град: мифологизация столицы

Казаков М.М.

Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4;
E-mail: mmkaz@yandex.ru

Аннотация. Легенда об основании и освящении Константинополя в качестве столицы и нового центра римского мира формировалась на протяжении десятилетий. Процесс мифотворчества относительно Константинополя проходил параллельно с формированием его столичного статуса, который наполнился реальным содержанием лишь к середине V в. В это время настоятельной потребностью становится соединение исторической значимости Константина, прежде всего для христианства, с новой, уже утвердившейся столицей Восточной Римской империи, которая носила его имя. Эту потребность попытались удовлетворить церковные историки Сократ, Созомен и Филосторгий, приписавшие в своих повествованиях основание Константинополя именно как столицы Константину Великому. Однако ни намерение Константина основать новую столицу Римской империи, ни провозгласить ее Новым Римом, ни сделать Константинополь христианской столицей в источниках IV в. не просматривается. Лишь столетие спустя после основания города благодаря упомянутым церковным историкам, которые мифологизировали отдельные исторические факты, эта идея стала внедряться в общественное сознание и после этого прочно закрепилась в исторической литературе.

Ключевые слова: Константинополь, Константин Великий, церковные историки, мифологизация, столица

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Казаков М.М. 2026. Константинов град: мифологизация столицы. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 59–69. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-59-69. EDN: ETAYKS

The City of Constantine: Mythologization of the Capital

Mikhail M. Kazakov

Smolensk State University,
4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia
E-mail: mmkaz@yandex.ru

Abstract. The legend of the foundation and consecration of Constantinople as the capital and new center of the Roman world took shape over decades. The process of myth-making regarding Constantinople developed in parallel with the formation of its capital status, which was filled with real content only by the middle of the 5th century. At that time, there was an urgent need to connect the historical significance of Constantine, primarily for Christianity, with the new, already established capital of the Eastern Roman Empire, which bore his name. Church historians Socrates, Sozomen, and Philostorgius attempted to satisfy this need, attributing in their narratives the foundation of Constantinople as the capital to Constantine the Great. However, neither Constantine's intention to found a new capital of the Roman Empire, nor to proclaim it the New Rome, nor to make Constantinople the Christian capital is discernible in the sources of the 4th century. It was not until a century after the city foundation that this idea began to be introduced into the public consciousness and consequently was firmly entrenched in historical literature, due to the aforementioned church historians, who mythologized some historical facts.

Keywords: Constantinople, Constantine the Great, Church historians, mythologization, capital

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kazakov M.M. 2026. The City of Constantine: Mythologization of the Capital. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 59–69 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-59-69. EDN: ETAYKS

Введение

Мифотворчество в прошлом и настоящем имеет одну очевидную тенденцию: чем более значимыми являются события и личности, в них участвовавшие, тем большим становится соблазн у потомков наполнить эти события мифами и легендами, а также не просто приукрасить, но возвеличить сами личности, приписывая им деяния, которые они не только не совершали, но даже не имели намерения их совершать. Кроме того, существует еще одна тенденция историописательства – перенесение в прошлое реалий настоящего, то есть его осовременивание, и, напротив, внесение через историю в сознание современников реалий прошлого, зачастую искаженных восприятием самого писателя, его идеологическими и религиозными воззрениями.

Благодатную почву для анализа этих тенденций составляет эпоха Константина Великого, который являлся столь значимой личностью уже в глазах своих современников, что стал объектом мифотворчества еще при жизни. С другой стороны, с появлением церковной историографии борьба вокруг освещения прошлого под тем или иным углом зрения выходит на новый уровень, и, соответственно, события светской и христианской истории становятся не только предметом изучения, но и полем противоборства историков, которые с помощью мифотворчества стремились заполнить лакуны, выполнить социальный заказ и вписать события в собственные мировоззренческие установки.

Объект и методы исследования

В этой связи особый интерес представляет основание Константинополя как одно из значимых событий не только эпохи Константина, но и всеобщей истории. Стоит отметить, что этой теме посвящены сотни исследований в мировой историографии, освещающих разные аспекты этого события². Однако мне не встретилось специальных исследований, посвященных мифотворчеству вокруг основания Константинополя и его ранней истории³, хотя необходимо отметить, что в историографии последних десятилетий сам факт создания таких легенд озвучивается и акцентируется всё чаще⁴.

Объектом исследования является основание Константинополя и превращение его в столицу, а предметом – мифотворчество, связанное с этими историческими процессами.

При проведении исследования использовались следующие методы: историко-генетический (анализ эволюции представлений о статусе Константинополя и постепенного формирования легенды об основании столицы); сравнительно-исторический (выявление сходств и различий в описаниях одних и тех же событий различными авторами); герменевтический (толкование смыслов ключевых понятий – «новый Рим», «второй Рим», «царский город» в разных контекстах); метод внутренней критики источника и контекстуального анализа (выявление противоречий внутри текстов, сопоставление нарративных данных с материальными свидетельствами, оценка умолчаний, учёт историко-политического фона, анализ влияния церковной идеологии на формирование исторической памяти); метод ретроспективной реконструкции (восстановление ранних представлений о

² Обзор исследований последних десятилетий см. Melville-Jones 2014, 247–248.

³ Исследованием мифотворчества вокруг Константина и его деяний, включая в общем контексте и некоторые аспекты, связанные с основанием Константинополя, в последнее время занимался И.Н. Попов, хотя его диссертация посвящена поздним этапам создания мифов: Попов 2009.

⁴ Например, Kaldellis 2020, 221–247.

городе на основе более поздних источников, выявление «слоёв» мифотворчества); институциональный анализ (изучение роли государственных и церковных институтов, анализ взаимодействия светской и религиозной власти); дискурсивный анализ (исследование риторических приёмов и топосов, выявление идеологических шаблонов); метод исторической типологии (сопоставление основания Константинополя с другими примерами градостроительства римских императоров, выделение типичных черт «императорского города»).

Результаты и их обсуждение

Очевидно, что легенда об основании и освящении Константинополя в качестве столицы и нового центра римского мира возникла не сразу, а формировалась на протяжении десятилетий. Основой для нее, с одной стороны, служил развивавшийся в IV–V вв. культ императора Константина, а с другой стороны, процесс мифотворчества относительно Константинополя проходил параллельно с формированием его столичного статуса, который наполнился реальным содержанием лишь к середине V в.

В культе Константина первоначально преобладали традиционные для Римской империи черты, то есть он имел политический характер. При этом и отношение христиан к императору, радикально изменившему положение христианства, также укладывалось в рамки почитания императора как выдающегося исторического и общественного деятеля. Однако следует учитывать, что в Византийской империи образ Константина стал одной из важнейших черт не только политической идеологии, но и общественного сознания. Его политической составляющей можно считать то, что все императоры, восходившие на константинопольский престол, сопоставляли себя с Константином и стремились подражать ему, воспринимая себя его преемниками [Дагрон, 2010, с. 193]⁵. Разумеется, политическая идеология имела христианскую составляющую, что вызывало необходимость представить образ императора в соответствующем свете.

Что касается Константинополя, то столичные черты появлялись у города постепенно и включали в себя к середине V в. следующее: сенат, учрежденный Констанцием II в 357 г. и включавший представителей высшей знати; городского префекта, также учрежденного Констанцием II в 359 г. и отвечавшего за городскую жизнь и порядок в столице; налоговые льготы для населения, выделяемого в особую категорию *populos*, организация зрелищ, хлебных и денежных раздач, что началось частично с Константина, но по большей части с того же Констанция и продолжалось последующими императорами; постоянную императорскую резиденцию со времени триумфального въезда в город императора Феодосия в 380 г. и присутствие императорского двора, включающего родственников и приближенных императора, а также высших государственных чиновников; наличие государственных ведомств (также со времени Феодосия), осуществляющих управление различными сферами жизни страны и состоящих из чиновников высшего и среднего ранга; авторитет столичной церковной кафедры, провозглашенной на Втором Вселенском соборе «новым Римом»⁶. При этом специальных законов, посвященных столичному статусу Константинополя, в Кодексе Феодосия не встречается: в большинстве случаев упоминания Константинополя в законах «светского» содержания ограничиваются словом «Город», и лишь в 424 г. он был осторожно назван «царским городом» (*CTh* 15.1.52: *haec regia urbs*) [Серов, 2006, с. 54–55].

Таким образом, во второй четверти V в. в исторической памяти жителей значительной части Восточной Римской империи и в первую очередь самого Константинополя могло существовать представление о постепенной эволюции города в столицу на протяжении нескольких десятилетий, как это и было на самом деле. Однако такая трактовка имела

⁵ Впервые «новым Константином» был назван император Маркиан в 451 г. в славословиях на IV Вселенском Соборе в Халкидоне. См. Константин 2014, 706–707.

⁶ Третий канон.

некоторую идеологическую ущербность, прежде всего с точки зрения того, какую значимость в глазах потомков стала приобретать личность Константина, что, в свою очередь, было следствием успехов христианизации и утверждения христианства в качестве государственной религии. Очевидно, что сопутствовавшая христианизации теократизация мышления вызвала исключительный интерес общества к истории Церкви [Удальцова, 1982, с. 4]. Причем интерес этот возрастал по мере того, как успехи христианизации становились все более очевидными. Поэтому подлинный расцвет ранней церковной историографии как раз и приходится на первую половину V в., когда основной этап христианизации Римской империи был завершён и успехи Церкви в этом стали совершенно неоспоримыми.

Этот расцвет обычно соотносят с деятельностью настоящей плеяды ранневизантийских церковных историков – Сократа (ок. 380 – ок. 440), Созомена (ок. 400 – ок. 450), Феодорита (393 – ок. 460), Филосторгия (ок. 368 – ок. 439). Предметом изучения для всех названных авторов была христианская церковь как особый религиозный, общественный и исторический феномен, и всех их объединяла одна историко-философская концепция – христианский провиденциализм [Удальцова, 1982, с. 5], а образцом служила Церковная история Евсевия Памфила – основоположника церковной историографии. Соответственно, церковные истории этих писателей начинались с тех событий, которыми завершил свое повествование Евсевий, то есть с середины 320-х годов, когда как раз и развернулась активная деятельность Константина в пользу христианства.

До середины V в. церковноисторические сочинения представляли разные версии, оценки и трактовки жизнеописания императора Константина, не составляя единого устойчивого комплекса [Ващева, 2013, с. 49–50]. В связи с этим настоятельной потребностью становится соединение исторической значимости Константина, прежде всего для христианства, с новой, уже утвердившейся столицей Восточной Римской империи, которая ко всему прочему носила его имя. Эту потребность попытались удовлетворить Сократ (*Socrates Hist. eccl.* I.16) и Созомен (*Sozom. Hist. eccl.* II.3), включившие в свои исторические повествования главу, приписывавшую основание Константинополя именно как столицы Константину Великому. При этом в содержании текстов можно обнаружить целый ряд сходных, а порой идентичных мест. Так, оба историка констатируют, что Константин строил христианские храмы в Константинополе и разрушал памятники язычества; сравнивал Константинополь с Римом «в правах и во власти» и захотел построить «равночестный Риму город» (Созомен), «сравнивал с царственным Римом» (Сократ); называл Константинополь «новым Римом» (Созомен) и «вторым Римом» (Сократ); активно занимался благоустройством города.

В отдельных моментах историки дополняют друг друга. Так, Сократ упоминает о законе, повелевающем называть Константинополь вторым Римом, и говорит, что «закон выбит был на каменном столбе и для всеобщего сведения выставлен на так называемом военном поле близ конной статуи царя». Созомен же приписывает Константину учреждение константинопольского сената с правами и преимуществами, как и у римлян, акцентирует то, что Константинополь стал христианской столицей («почти все перешли в христианство»), говорит о переселении знати в новую столицу и, что следует отметить особо, утверждает, что Константин сделал Константинополь «столицей всех живущих на земле, подвластной Римлянам, – к северу, югу, востоку и Средиземному морю». Заслуживает внимания и приводимый Созоменом эпизод о попытке основания Константином нового города на месте Трои. Стоит заметить и то, что почти половину этой значимой главы Созомен, видимо, для убедительности, дополняет рассказом об исцелении в храме Михаила Архангела своего знакомого Акилина, что должно было, по мнению историка, подчеркнуть его мысль о том, что усердию Константина содействовал сам Бог. Сократ лишь кратко говорит о деяниях Константина, как орудии Божия Промысла.

Вообще в трудах Созомена и Сократа исследователи находят столь много общего, что в литературе давно уже стоит вопрос об их взаимной зависимости [Кривушин, 1998, с. 79–95]. Большинство авторов склонны считать, что Созомен использовал труд Сократа как основу

своего произведения, дополняя и расширяя данные своего предшественника. Являлся ли в данном случае Сократ источником Созомена или оба они одновременно выполняли чей-то социальный заказ, сказать невозможно. Во всяком случае, именно Созомен, как справедливо отмечает Жильбер Дагрон, уместил в этой главе целое столетие истории Константинополя и связал с правлением одного Константина [Dagron, 1974, p. 47].

Дополнительные штрихи в картину основания Константинополя внес арианский церковный историк Филосторгий, который приводит эпизод, как Константина, определявшего границы будущего города, остановил сам Бог. Однако более важное значение имеет упоминание о том, что Константин назвал новый город «Славным Римом», «учредил в нем сенат, назначил для граждан щедрую раздачу годовых хлебных припасов и весь прочий государственный порядок устроил столь великолепно, что Константинополь почетом и славой мог соперничать со старейшим Римом» (Philostorg. *Hist. eccl.* II.9).

Следует отметить, что упомянутые историки – и Сократ, и Созомен, и Филосторгий – создавали свои церковные истории в Константинополе, а вот писавший свой исторический труд на несколько лет позже Феодорит, не будучи связанным со столицей, историю основания Константинополя проигнорировал, хотя использовал сочинения своих предшественников. Это можно считать подтверждением предположения, что описание истории основания Константинополя как столицы и второго Рима Константином было социальным заказом, возможно, со стороны новой столичной знати.

Однако довольно аккуратное внедрение в общественное сознание церковными историками якобы замысла самого Константина Великого основать новую столицу Римской империи хотя и не содержит ничего экстраординарного для восприятия современников, не находит подтверждения в синхронных и близких по времени к этим событиям источниках. Данные об этом либо вообще отсутствуют, либо являются фрагментарными и во всяком случае не дают никаких оснований утверждать, что Константин на месте Византия намеревался устроить Новый Рим. Тем более что объективно в середине 320-х гг. после победы над Лицинием для этого не было оснований – Константин оставался единственным и неоспоримым правителем огромной державы.

В сохранившихся произведениях самого Константина, которые преимущественно представляют собой его письма, включенные в церковные истории упомянутых авторов, нет никаких, даже малейших намеков на его намерение основать новую столицу Римской империи. Вряд ли можно считать убедительным доказательством такого намерения фразу из закона от 1 декабря 334 г.: «город, который мы посвятили Богу под вечным именем»⁷ (*CTh* 13.5.7), потому что словосочетание «aeternitas mea» было довольно обычной формой обращения к себе императоров в эпоху домината [Papadopoulos, 2018, p. 35–36]⁸. Монеты Константина также не содержат ничего, что доказывало бы его намерение сделать Константинополь столицей [Melville-Jones, 2014, p. 248, 251–252].

В дополнение можно отметить, что в период строительства Константинополя в 324–329 гг. Константин не считал новый город удобным даже для временных остановок, и в лучшем случае император просто проезжал мимо «своего» города, никак не выражая своего отношения к нему. После освящения Константинополя Константин стал бывать в своем городе чаще и временами подолгу оставался в нем [Серов, 2006, с. 41], но город фактически являлся одной из императорских резиденций, и какого-либо намерения превратить его во второй Рим ни сам Константин, ни его окружение не выражали.

Это подтверждает самый информативный и важный источник по эпохе Константина Евсевий Памфил, который уделил Константинополю, что можно посчитать удивительным, очень мало внимания. Уже это позволяет полагать, что значение нового города он оценивал

⁷ ...urbis, quam aeterno nomine iubente deo donavimus...

⁸ Так, например, у Аммиана Марцеллина (*Amm. Marc.* XV.1.3) говорится, что Констанций II подписывал императорские документы этой фразой.

совершенно иначе, чем его последователи столетие спустя. Показательно, что историк ничего не говорит о столичном статусе Константинополя, вероятнее всего по той причине, что таковой просто отсутствовал.

В «Похвальном слове Константину», произнесенном 25 июля 335 г. по случаю 30-летия царствования императора, упоминается лишь о том, что он «различными церквями Божиими обрадовал ... одноименный себе город» (Euseb. *Laud. Const.* 9). В «Жизни Константина», панегирическом произведении, которое так и не было завершено до смерти автора в 339/40 г., встречается всего несколько упоминаний о Константинополе.

Так, историк говорит о строительстве храмов⁹ и зданий в честь мучеников и о том, что он «посвятил Богу их и самый свой город», одновременно отмечая меры по истреблению идолопоклонничества (Euseb. *Vit. Const.* III.48). Ниже Евсевий говорит, что «весь одноименный василевсу город наполнен был искуснейшими медными изваяниями, которые почитались священными у всех народов», также были изображения, вылитые из золота и серебра (Euseb. *Vit. Const.* III.54). Вряд ли можно полагать, что эти статуи и изображения могли в большом количестве сохраниться в пришедшем в упадок в III в. Византии. Вероятнее, при строительстве нового города для придания ему соответствующего блеска они были привезены туда из различных городов Римской империи, включая и старый Рим. Поэтому утверждение, что Константинополь задумывался с самого начала как христианская столица в противовес старому языческому Риму [Курбатов, 1984, с. 8], не имеет под собой достаточных оснований. Под христианской столицей Константин понимал не Константинополь, а Иерусалим [Dagron, 1974, с. 389], что представляется вполне логичным в свете внимания самого императора и его матери Елены к местам, связанным с Иисусом Христом.

Стоит отметить, что в конце своего труда о жизни Константина Евсевий употребляет выражение «царский город» – βασιλῆα πόλιν (Euseb. *Vit. Const.* III.63,69)¹⁰. Причем во всех трех случаях речь идет о Риме, что предполагает не только контекст, но также тот факт, что для обозначения Константинополя Евсевий использует оборот «одноименный (императору Константину) город» (Euseb. *Vit. Const.* III.54; IV.58,66). Жители Рима, сообщает историк, претендовали на то, чтобы местом погребения Константина стала старая столица в соответствии с традицией (Euseb. *Vit. Const.* IV.69) [Bonamente, 1988, p. 117]. Поэтому, возможно, решение Константина быть похороненным в «одноименном городе» можно расценивать и как некий скромный шаг в направлении идеи второго Рима, хотя старому Риму предсмертной волей императора были назначены ежегодные дары (Euseb. *Vit. Const.* IV.63).

Любопытно, что в своей «Хронике», которая заканчивается 329 г., Евсевий вообще не упоминает факт основания Константином нового города, а отмечает, что 20-летие царствования Константин устроил сначала в Никомедии, а затем в Риме (Euseb. *Chron.* 326). Впрочем, продолжатель хронологии Евсевия бл. Иероним говорит об освящении Константинополя (Jer. *Chron.* 330) и употребляет довольно замысловатую фразу: Constantinopolis dedicatur, pene omnium urbium nuditate, которая в русском переводе в издании 1880 г. звучит так: «Освящается Константинополь, по обнажении почти всех городов»¹¹. Что понимал автор под этим «обнажением городов», остается неясным. Самым простым объяснением может служить то, что для придания соответствующего блеска своему городу Константин свозил туда статуи и украшения из других городов империи. Однако вряд ли в этом можно усмотреть даже намек на столичный статус Константинополя.

Впервые такой намек встречается только у Евтропия, который пишет о Константине, что тот: «первым начал настолько возвышать город имени своего, что сделал его соперником

⁹ А. Бергер (Berger 2020, 13) не без оснований утверждает, что при Константине в городе не было построено ни одной крупной церкви.

¹⁰ В переводе на русский язык, видимо, для придания стиля в одном случае из трех употребляется словосочетание «царская столица».

¹¹ Хроника бл. Иеронима // Иероним Стридонский. Творения блж. Иеронима Стридонского. В 17 ч. Часть 5. Киев, 1880. С.396.

Рима» (Eutr. X.8.1)¹². Если учесть, что произведение Евтропия датируют 369 или 370 г.¹³ и тот факт, что ко времени написания этого труда в Константинополе уже более десятилетия действовал свой сенат, то такое утверждение можно воспринять как довольно обоснованное, но едва ли его можно отнести ко времени Константина. Тем более что незадолго до этого видными ораторами уже были озвучены некоторые претензии на особый статус Константинополя.

Так, один из выдающихся представителей Константинополя, ритор и политический деятель Фемистий еще в 357 г. сказал, пожалуй, впервые о сходстве статуса Рима и Константинополя [Vanderspoel, 1995, с. 55–56], но при этом его вывод состоял в том, что Константинополь счастлив находиться в слегка подчиненном положении (Them. Or. 3.41c-d, 42 a-d) [Heather and Moncur, 2001, p. 121]. И лишь два десятилетия спустя, ко времени правления Феодосия, отношение Фемистия к Константинополю, по-видимому, изменилось, и он вполне был готов считать два города равными по статусу. Так, в речи в 379 г. он недвусмысленно связывает столицы и говорит о двух метрополисах мира – городов Ромула и Константина (Them. Or. 14.182a).

Другой выдающийся ритор этого времени Либаний не использовал слово метрополис, но в своей переписке довольно часто применял словосочетание «Великий город» в отношении Константинополя с явным намеком на его второе место после Рима¹⁴. Вместе с тем как бы с насмешкой Либаний употребляет выражение «большой город во Фракии» (Lib. Or. 18.177) [Vanderspoel, 1995, p. 57–58]. После возвращения в 354 г. в Антиохию Либаний чаще относился к Константинополю и его жителям саркастически и во всяком случае даже не намекал на его возможное положение как столицы и нового Рима.

Будущий император Юлиан в своем первом панегирике Констанцию, датированном не позднее лета 357 г., говорит о том, что Константинополь настолько же превосходит другие города, насколько его превосходит Рим. Однако Юлиан рассматривает Константинополь именно как второй город после Рима, а не как первый среди остальных (Julian. Or. 1.8с.). Ранее в этой речи Юлиан заявил, что Рим правил всей империей (Julian. Or. 1.5с.), и восточный город, где родился сам Юлиан, является, таким образом, не более чем важным фундаментом.

Историк Аммиан Марцеллин, в 392–393 гг. завершивший свой труд, охватывавший значительную часть событий IV в., упоминает Константинополь около 40 раз, но почти все эти упоминания относятся к городу как географическому пункту. Автор однозначно называет столицей мира (capite mundi) Рим (Amm. Marc. XIV.6.23)¹⁵, и, как кажется, у него не могло возникнуть мысли, что какой-то еще город может претендовать на статус столицы Римской империи¹⁶.

В исследованиях недостаток сведений нарративных источников нередко компенсируют обращением к изображениям, надписям, нумизматике и археологическим источникам, что позволяет пролить свет на некоторые детали. Однако данные материальных источников в исследованиях нового и новейшего времени обычно интерпретировались с точки зрения традиционных взглядов на это событие, формировавшихся в виде различных легенд с середины V века. Также и монеты Константина не содержат ничего, что доказывало бы его намерение сделать Константинополь столицей [Melville-Jones, 2014, p. 248, 252–251].

¹² ...primusque urbem nominis sui ad tantum fastigium evehere molitus est, ut Romae aemulam faceret.

¹³ Основанием для датировки является то, что адресат этого труда Валент получил титул Gothicus Maximus после своей кампании 369 года против вестготов.

¹⁴ Lib. Or. 18.11: «город, после Рима величайший»; Or. 15.36: «каждый из Римов»; Or. 59.94: «величайший из здешних городов и второй после величайшего из всех». См. Серов 2006, 52.

¹⁵ Эпитеты Аммиана по отношению к Риму см.: Cañizar Palacios 2014, 288.

¹⁶ Интересно, что в переводе на русский язык Ю. Кулаковского при участии проф. А. Сонни (Киев, 1906–1908 гг.) в одном из фрагментов (XXVI.5.4) Константинополь назван столицей: «После этого оба брата выступили с войсками и поделили между собой столицы согласно желанию первенствовавшего: Валентиниан направился в Медиолан, а Валент – в Константинополь». В латинском тексте употреблено слово palatio, то есть императорский двор: Et post haec cum ambo fratres Sirmium introissent, diviso palatio, ut potiori placuerat, Valentinianus Mediolanum, Constantinopolim Valens discessit.

Пожалуй, только император Феодосий предпринял конкретные шаги, реально возвышавшие статус Константинополя во всей ойкумене. Инициированный им Константинопольский собор 381 г. провозгласил на весь христианский мир этот город «вторым Римом». И хотя это первоначально не признавалось не только на Западе, но многими церквями Востока, идея еще до конца IV в. стала внедряться в общественное сознание. Вместе с тем важно подчеркнуть, что в начале V в. ее стали ассоциировать не с Феодосием, а с Константином в связи с развитием его культа. Так, в городе существовал алтарь Константина на главном городском форуме, перед которым совершались церемонии¹⁷. В день города статую Константина выносили на ипподром. В городе существовало не менее 9 храмов, посвященных Константину, включая мавзолей внутри комплекса собора св. Апостолов, а могила Константина в храме святых Апостолов почиталась как одна из величайших святынь [Константин, 2014, р. 708].

Следует отметить, что сам факт основания Константином нового города на месте Византия не представлял ничего необычного. Многие правители и до него, и после основывали новые города и называли их своим именем, причем делалось это как в пустых местах, так и на месте ранее существовавших поселений. Константин, как и практически любой правитель огромной державы, был не чужд честолюбия и тщеславия и стремился увековечить память о себе путем строительства города под своим именем, не имея, по всей видимости, намерения сделать его столицей.

Разумеется, у Константина были варианты. Некоторые из таких вариантов сами по себе даже стали предметом дальнейшего мифотворчества. Например, одна из версий основания не просто нового города, но новой столицы имела свои истоки в далеком прошлом, окутанном мифами и легендами, которые связывали основание Рима с Троей. Так, в конце V – начале VI в. Зосим пишет о том, что неподалеку от Илиона в Троеде Константин заложил фундамент и построил часть стены, но потом передумал и отправился в Византий (Zos. 2.30.1). Подобные версии, связывавшие возможность основания нового города на месте Трои, встречаются и у других византийских авторов, которые пытались связать одной легендой оба Рима – Старый и Новый. В поздних источниках упоминается также о том, что Константин думал и о других местах для основания города под своим именем: Сердике, Халкедоне и, возможно, о Фессалонике [Исаас, 2021, р. 24].

Однако Византий был, возможно, самым привлекательным местом, обладавшим несомненными преимуществами ввиду географического положения, о чем свидетельствует его предшествующая история, включавшая помимо всего прочего и незавершенную попытку Септимия Севера расширить и перестроить этот город, пришедший в начале III в. в упадок. Помимо этого, именно Византий был последним опорным пунктом Лициния на европейском континенте накануне окончательной победы Константина 18 сентября 324 г. в сражении при Хрисополе на восточном берегу Босфора, соответственно и дата основания Константинополя 8 ноября 324 г., которую называет Фемистий (Them. Or. 4.58b)¹⁸, кажется вполне правдоподобной.

В литературе приводятся различные версии основания города на месте Византия, восходящие ко времени, когда Константинополь уже был столицей. Высказывалось мнение, что Константин, как это было и накануне битвы у Мильвийского моста в 312 г., имел видение или, во всяком случае, дал обет Богу основать на этом месте столицу в случае окончательной победы над соперником [Константинополь, 2015, с. 139]. У многих византийцев получила признание версия, согласно которой Константин создал в Константинополе постоянную резиденцию на Востоке, приспособленную для осуществления его собственных политических нужд [Серов, 2006, с. 39], и что целью Константина было основать династическую столицу [Dagron, 1974, р. 27–29; Vanderspoel, 1995, р. 52]. Впрочем, наиболее близкой к действительности представляется версия, что главными его мотивами было намерение основать город под своим

¹⁷ О культовых ритуалах, связанных с почитанием Константина, см. Поляковская, Куц 2015, 38–49.

¹⁸ Фемистий соотносит этот день с днем, когда Констанций стал цезарем. См.: Vanderspoel 1995, с. 51.

именем в ознаменование победы над Лицинием и желание дистанцироваться от предыдущих императорских резиденций и от самого Рима, ассоциировавшегося с побежденным Максенцием [Hekster, 1999, p. 744]. Разумеется, никаких сомнений в отношении выбора места не оставляет его стратегическое значение [Dagron, 1974, p. 68–69].

Заключение

Таким образом, источники IV в. не дают оснований утверждать, что Константин основал Константинополь как новую столицу Римской империи и как Новый Рим, да и в дальнейшем ни он, ни его ближайшие последователи не намеревались менять статус старого Рима в пользу нового города [Серов, 2006, с. 42, 46]. Лишь столетие спустя после основания города благодаря церковным историкам, которые мифологизировали отдельные исторические факты, эта идея стала внедряться в общественное сознание. При этом легенда об основании новой столицы именно Константином воспринималась без существенных затруднений ввиду того, что город уже действительно обрел столичный статус, а культ Константина как первого христианского императора достаточно широко распространился. В ходе дальнейшей мифологизации Константиновых деяний легенда об основании новой столицы Римской империи стала дополняться и насыщаться дополнительными деталями в произведениях византийских авторов, что способствовало ее более глубокому проникновению не только в сознание самих византийцев, но и в государственную идеологию, а впоследствии прочно закрепилось в исторической традиции.

Список литературы

- Ващева И.Ю. 2013. Константин Великий: вариации образа в христианских историях поздней античности. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 4(3): 46–58.
- Дагрон Ж. 2010. *Император и священник: Этюд о византийском «цезарепапизме»*. Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ: Нестор-История, 480 с.
- Константин. 2014. *Православная энциклопедия*. 36: 671–729.
- Константинополь. 2015. *Православная энциклопедия*. 37: 134–193.
- Кривушин И.В. 1998. Созомен как реинтерпретатор Сократа. *Античная древность и средние века*. 29: 79–95.
- Курбатов Г.Л. 1984. *История Византии (От античности к феодализму)*. Москва, Высшая школа, 207 с.
- Поляковская, М.А., Куш, Т.В. 2015. Культ Св. Константина Великого в византийской дворцовой традиции. *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. 12: 38–49.
- Попов И.Н. 2009. *Историческая память в Византии: представления византийских хронистов VI–XII вв. об эпохе становления христианского царства*. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва, Институт всеобщей истории РАН, 327 с.
- Серов В.В. 2006. К проблеме формирования столичного статуса Константинополя. *Византийский временник*. 65(90): 37–59.
- Удальцова З.В. 1982. Церковные историки ранней Византии. *Византийский временник*. 43: 3–21.
- Berger A. 2020. Constantine's City: the Early Days of a Christian Capital. *Studia Ceranea*. 10: 11–29.
- Bonamente G. 1988. Apoteosi e imperatori cristiani. *I Cristiani e l'Impero nel IV secolo*. Macerata, Roma: 107–142.
- Cañizar Palacios J.L. 2014. From vetus Byzantium (Amm. 22.8.8) to URBS REGIA. Representation of Constantinople in Late Roman Empire Laws. *New Perspectives on Late Antiquity in the Eastern Roman Empire*. Cambridge: 280–310.
- Dagron G. 1974. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris. 578 p.
- Heather P. and Moncur, D. 2001. *Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Select Orations of Themistius*. Liverpool. xvii, 361 p.
- Hekster O. 1999. The City of Rome in Late Imperial Ideology: The Tetrarchs, Maxentius, and Constantine. *Mediterraneo Antico*. 2.2: 717–748.
- Isaac B. 2021. From Rome to Constantinople. *Rome: An Empire of Many Nations. New Perspectives on Ethnic Diversity and Cultural Identity*. Ed. by Jonathan J. Price, Margalit Finkelberg and Yuval Shahar. Cambridge: 17–28.

- Kaldellis A. 2020. How Was a ‘New Rome’ Even Thinkable? Premonitions of Constantinople and the portability of Rome. *Leadership and Community in Late Antiquity: Essays in Honour of Raymond Van Dam*. Turnhout: 221–247.
- Melville-Jones J. 2014. Constantinople as “New Rome”. *Byzantina Symmeikta*. 24(1): 247–262.
- Papadopoulos I. 2018. *The Idea of Rome in Late Antiquity*. Leeds. 275 p.
- Vanderspoel J. 1995. *Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius*. Ann Arbor. 280 p.

References

- Vascheva I.Yu. 2013. Konstantin Velikii: variatsii obraza v khristianskikh istoriyakh pozdnei antichnosti [Constantine the Great: Variations of the Image in Christian Histories of Late Antiquity]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 4(3): pp. 46–58.
- Dagron G. 2010. Imperator i svyashchennik: Etyud o vizantiiskom «sezarepapizme» [Emperor and Priest: An Essay on Byzantine «Caesaropapism»]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU: Nestor-Istoriya, 480 p.
- Konstantin [Constantine]. 2014. *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. 36: pp. 671–729.
- Konstantinopol' [Constantinople]. 2015. *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. 37: pp. 134–193.
- Krivushin I.V. 1998. Sozomen kak reinterpretator Sokrata [Sozomen as a Re-Interpreter of Socrates]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 29: pp. 79–95.
- Kurbatov G.L. 1984. *Istoriya Vizantii (Ot antichnosti k feodalizmu) [History of Byzantium (From Antiquity to Feudalism)]*. Moscow, Vysshaya shkola, 207 p.
- Polyakovskaya M.A., Kushch T.V. 2015. Kul't Sv. Konstantina Velikogo v vizantiiskoi dvortsovoi traditsii [The Cult of St. Constantine the Great in the Byzantine Court Tradition]. *Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego novogo vremeni*. 12: pp. 38–49.
- Popov I.N. 2009. *Istoricheskaya pamyat' v Vizantii: predstavleniya vizantiiskikh khronistov VI–XII vv. ob epokhe stanovleniya khristianskogo tsarstva [Historical Memory in Byzantium: Perceptions of Byzantine Chroniclers of the 6th–12th Centuries about the Era of the Formation of the Christian Kingdom]*. Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, 327 p.
- Serov V.V. 2006. K probleme formirovaniya stolichnogo statusa Konstantinopolya [On the Problem of Forming the Capital Status of Constantinople]. *Vizantiiskii vremennik*. 65(90): pp. 37–59.
- Udal'tsova Z.V. 1982. *Tserkovnye istoriki rannei Vizantii [Church Historians of Early Byzantium]*. *Vizantiiskii vremennik*. 43: pp. 3–21.
- Berger A. 2020. Constantine's City: the Early Days of a Christian Capital. *Studia Ceranea*. 10: 11–29.
- Bonamente G. 1988. Apoteosi e imperatori cristiani. *I Cristiani e l'Impero nel IV secolo*. Macerata, Roma: 107–142.
- Cañizar Palacios J.L. 2014. From vetus Byzantium (Amm. 22.8.8) to URBS REGIA. Representation of Constantinople in Late Roman Empire Laws. *New Perspectives on Late Antiquity in the Eastern Roman Empire*. Cambridge: 280–310.
- Dagron G. 1974. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris. 578 p.
- Heather P. and Moncur, D. 2001. *Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Select Orations of Themistius*. Liverpool. xvii, 361 p.
- Hekster O. 1999. The City of Rome in Late Imperial Ideology: The Tetrarchs, Maxentius, and Constantine. *Mediterraneo Antico*. 2.2: 717–748.
- Isaac B. 2021. From Rome to Constantinople. *Rome: An Empire of Many Nations. New Perspectives on Ethnic Diversity and Cultural Identity*. Ed. by Jonathan J. Price, Margalit Finkelberg and Yuval Shahar. Cambridge: 17–28.
- Kaldellis A. 2020. How Was a ‘New Rome’ Even Thinkable? Premonitions of Constantinople and the portability of Rome. *Leadership and Community in Late Antiquity: Essays in Honour of Raymond Van Dam*. Turnhout: 221–247.
- Melville-Jones J. 2014. Constantinople as “New Rome”. *Byzantina Symmeikta*. 24(1): 247–262.
- Papadopoulos I. 2018. *The Idea of Rome in Late Antiquity*. Leeds. 275 p.
- Vanderspoel J. 1995. *Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius*. Ann Arbor. 280 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.11.2025

Received 25.11.2025

Поступила после рецензирования 19.01.2026

Revised 19.01.2026

Принята к публикации 21.01.2026

Accepted 21.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кзаков Михаил Михайлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Mikhail M. Kazakov, Doctor of Sciences in History, Professor, Professor of the Department of State and Law, Smolensk State University, Smolensk, Russia

 [ORCID: 0009-0008-2401-5473](https://orcid.org/0009-0008-2401-5473)